

Rukosuyev Evgeny Yuryevich – the senior research associate of Institute of history and archeology of the Ural office of the Russian Academy of Sciences, the candidate of historical sciences, the associate professor. Shumkin Georgy Nikolaevich – the research associate of Institute of history and archeology of the Ural office of the Russian Academy of Sciences, the candidate of historical sciences.

CHINESE IN THE URALS: THE CONFLICTS ON KIZELOVSKY COAL KOPYAKH IN THE YEARS OF VOYNY □ WORLD WAR I

In the broadest understanding the conflicts are any collision of interests in society. The conflicts are the most important condition of social development. Moreover, without special exaggeration it is possible to call the conflict one of norms of human communication. The history of the Chinese migration in the Urals at the beginning of the XX century isn't an exception. As a rule, surge in interest of bureaucracy to the Chinese, expressed in activization of business correspondence, was provoked by a conflict situation. Frictionless life is very poorly reflected in sources, information on it carries, generally indirect character.

In these conflict situations the official power in the person of the governor, district engineers, police officers sought to take a position of formally objective arbitrator, however always repressive measures went against workers though, it is obvious that responsible for the conflicts the administration of the enterprises became more often. Concerning businessmen and administrations the power was limited only to remarks and offers to observe the rights of workers. Now has to be clear why the Chinese workers after revolution of 1917 became "red Chinese", selflessly battling for a new system on all fronts of Civil war.

Key words: migration, workers, Civil war, "red Chinese"

В.Н. Земцов

Заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор.

ДВА ТОМАСА,

ИЛИ ДВЕ ИСТОРИИ СО СМЕНОЙ КОЖИ *(опыт историко-поэтического травелога)*

Статья посвящена истории двух валлийских писателей, которые всю жизнь чувствовали некое раздвоение личности, тягу к валлийской земле. Родившись в Суонси в 1914 г. в валлийской семье преподавателя английской литературы, Дилан Томас большую часть своей недолгой 39-летней жизни ощущал странное раздвоение. Он, валлиец, чьё воображение питалось соками древнейшей кельтской культуры, не говорил на родном языке. Родном? В сущности, родным для него был английский. Хотя отец и мать знали валлийский, но они заставляли детей говорить только по-английски. Это было время, когда жизненный успех мог быть связан только с английской литературой, английской way of life. Родной Сидней Томас родился в 1913 г. (т.е. годом раньше своего более знаменитого земляка) в Кардиффе в семье валлийских родителей, не говоривших на языке своих предков. К тому времени, когда Томас оказался в глухой провинции Уэльса и увидел собственно валлийцев, в их, так сказать, подлинной жизни и состоянии, в своего рода «первобытном» обличи, он был, безусловно, продуктом английской жизни, культуры и воспитания. Он безупречно говорил по-английски – это был его родной язык, он вёл себя и мыслил как образованный представитель английского среднего класса. Томас продолжал до конца жизни писать стихи на английском, и только на английском. Это возвращение Томаса к истокам своего «я» и своей культуры произошло не только через язык. Это произошло через то, что принято называть Судьбой. Судьба Уэльса, судьба валлийцев, стала его собственной, он слился с ней, стал её частью; больше того, он начал чувствовать и говорить на языке земли, который возник задолго до того, как появился человеческий язык и сам человек. Томас умер 25 сентября 2000 г., на 88-м году жизни. Скромное отпевание на валлийском состоялось в деревенской церкви Пентрефешин.

Ключевые слова: травелог, литература, Уэльс, Англия, язык

Как-то ближе к концу марта 1995 г., когда было ещё холодно, но всё чаще пробивалось сквозь туман и тучи солнце, а днём становилось даже тепло, я решился съездить из Лампетера, находившегося в сердце Уэльса, где я проходил стажировку, в Суонси. “Swan-sea” – чуть не Лебединое озеро, по крайней мере. Лебединое море или, скорее, Лебединый берег. Красивое *валлийское* название? Нет, конечно. Скорее, английское. По-валлийски город раньше назывался Абертауэ. И всё же ощущение было такое, что название не английское. По крайней мере, в

восприятию многих, здесь, на юге Уэльса. английское и валлийское так переплелись, что отделить их друг от друга (как мне тогда казалось) было нельзя.

Почему поехал в Суонси? Потому, что месяца полтора до этого, еще в Восточной Англии, уже слышал про него: мой «компаньон» по пристанищу в Норидже, в Morelo close (тупике Морело), пакистанец Белуджи (его все звали по фамилии: но, подозреваю, что я был первым, кто понял, что это фамилия, и что он был белуджем) собирался отправиться туда работать в местную клинику и говорил, что город приятен и красив. Да, и, кроме того, Суонси был самым близким от меня крупным городским центром, тем более, стоявшим на берегу моря. Так что я решил немного встряхнуться и развеяться от моей однообразной лампертерской жизни.

Правда, в последнюю неделю я не скучал. Несколько дней, не вылезая из своей комнаты, готовил лекцию о смерти семьи бывшего императора Николая Александровича Романова в Екатеринбурге, о поисках останков и о проблеме их идентификации. На лекцию пришло человек десять преподавателей с исторического факультета и несколько человек «со стороны». Публика была добра и предупредительна. Но... После лекции мне было задано только два мало что значивших вопроса. За всем этим скрывалось (как я всей кожей это чувствовал) внутреннее равнодушие. И только когда я затронул деликатную проблему отказа британской королевской семьи принять отрешившихся от престола русских родственников, в атмосфере аудитории что-то произошло. Но в целом... Правда, когда все начали расходиться, мой «второй куратор», молодой очкарик в неизменных черных джинсах (как мне говорили, подававший большие надежды как ученый), Патрик Финни (явно ирландец!) с каким-то судорожным блеском в глазах попросил меня повторить пару последних фраз из моей лекции, что я с удивлением, конечно, сделал. Речь шла о некоей формуле российской жизни, в которой не может быть прошлого (Past), но есть только настоящее (Present). Почему? Да потому, что история со смертью бывшего государя, его семьи и верных слуг никак не могла закончиться... Потому что, в сущности, русская Смута начала XX в. всё ещё не была «перевернутой страницей» истории, но была нашим настоящим. Собственно, как и всё остальное в нашей истории... Почему это так интересовало Патрика? Потому, как я размышлял, садясь в Кармартене в поезд на Суонси, что он часто читает «самый умный» журнал британских историков – “Past and Present”, и эта игра в перестановку “Past” и “Present” (будущего времени, как известно, в английском языке вообще нет) его очень увлекает и забавляет.

Вскоре я был оторван от моих размышлений о прошедшей «русской» лекции и о смысле русской истории чудесным видом, открывшемся мне справа по ходу поезда. То было широкое открытое пространство (эстуарий реки Тоун, впадающей в Кармартенский залив), заполненное целым морем гальки, песка, редкими деревьями с голыми ветками, лужами воды и небольшими заливчиками, а дальше – водным простором и очертаниями далёкого замка. Сквозь утренний туман, стлавшийся над водой, чёткими контурами вырисовывались мёртвые деревья с причудливо искривлёнными ветками и чёрными птицами, кружившими над ними.

Когда оказался на вокзале в Суонси, уже немного потеплело, но всё ещё было ветрено. Запахнув плащ, бодро двинулся вниз по Хай-стрит, надеясь быстро дойти до замка, значок которого столь соблазнительно виднелся на моей малососнякской карте. Изумлению не было предела: замок оказался всего лишь куском башни и осколком стены, забранными в решётку и несуразно торчавшими среди относительно современных домов. Скамеечки и «зелёнка», которые заботливые хозяева города решили разбросать вокруг «замка» ради создания уюта, ещё более возмутили во мне историка. Где же древности? Всё обман! Ничего не оставалось другого, как двинуться дальше в поисках местных музеев – морского и «просто» музея, которые звёздочками-обманками красовались на моей карте. «Просто» музей был всё ещё закрыт, а морской был далёк – возле Южного дока. Улицы были почти пустыни. Город, казалось, дремал. Только откуда-то издали, слева, что-то погромыхивало и гудело. Здесь же, у Южного дока, было сонное царство. Под тихое плескание стоячей воды спала сотня-другая чистеньких яхт. Чуть дальше, солидно, но столь же сонно, покачивался настоящий большой парусник. Парусник был действительно всамделишный, но, конечно же, превращённый в ресторан. Я медленно, раздумывая о Прошлом, совершенно растворившемся в Настоящем, или, что ещё хуже, превращённом в жалкий аттракцион, медленно побрёл сквозь лес яхт туда, где должно было быть Оно, Море.

Берег был пустынен. Хрипло гаркали чайки, верно, как и я, тоскуя о вечном. Среди гальки и морского песка виднелись белые перья, пара небольших косточек, оставшихся от умерших птиц, и человеческий мусор. Вдалеке по берегу двигался человек, рядом с которым бежала собака. Казалось, они сошли со страниц джойсовского «Улисса». «Ну, наконец, что-то настоящее!» - обрадовался я и, закрыв глаза, вдохнул запах моря. Между тем, человек с собакой подошли ко мне уже близко. Обратив к ним взор, я разглядел сикха в чалме и в белых, напоминающих всякому русскому кальсоны, штанах. «Боже! Где же он, древний Уэльс, где подлинная Британия?! Остаётся, верно, одно: войти в музей, в это

кладбище прошлой жизни и по-некрофильски получить удовольствие от созерцания останков давно ушедших людей...»

Прежде чем войти под сень морского музея, я заметил какую-то бронзовую фигуру, торчавшую неподалёку от пирса. Её расположение, как и она сама, показались мне какими-то несуразными. То была фигура человека совершенно смешного вида, раскорячившись сидевшего в кресле и, повернув глупое лицо с глазами-дырками в сторону моря, пытающегося приподняться. «Забавно, - подумал я. – Разве можно ставить такие памятники? Это же гротеск, издевательство над человеком!» «Dylan Thomas, – прочёл я на памятнике. – Поэт». На бронзовой пластинке были указаны годы жизни – «1914-1953» и какая-то поэтическая строчка в завитках волн. «Верно, какой-то поэт местного пошиба, память о котором без устали эксплуатируют земляки», - решил я и двинулся к морскому музею.

Здесь было интересно. Всюду были кораблики в старинных бутылках, астролябии и секстанты... В одной из витрин лежала флейта-пикколо: на ней играл какой-то боцман, когда ходил в Южную Америку. Здорово! Рядом – чучело любимого попугая некоего капитана. А вот – о, прелесть! – большущие грязные башмаки матроса китобойного судна XIX в.! Просто Моби Дик какой-то! И всюду – лица моряков, спокойно и как-то по-живому глядящие на тебя со старых фотографий. Душевно... Был слышен звук волн, наполненный искренней любовью к морским просторам, далёким странам и к своему прошлому. Маленький музей не очень большого города.

Я вышел оттуда улыбаясь и внутренне согревшись. На борту одной из яхт бросилось в глаза название – “Koshka”! Не может быть! Неужели русская яхта? Судя по табличке, которая была прикреплена, яхта продавалась. «Вот бы купить! Плавал бы, боролся с волнами, ходил бы к далёким белым городам, дышал морем...»

Народу на пирсе теперь было побольше (позже прочитал, что это местечко называется Maritime Quarter). Некоторые подходили к памятнику странного человечка и что-то говорили друг другу. Теперь памятник и человек стали казаться мне не такими уж смешными, просто странными и милыми. «Надо будет что-нибудь почитать об этом Томасе». - подумал я и двинулся к «просто» музею.

Да... Видно, раньше этот городок, Суонси, судя по экспозиции музея, был довольно непрезентабельным, грязным и маленьким. В XVIII – XIX вв. он заметно расширился из-за разработки медного месторождения, но чище он от этого не стал. В музее увидел много фотографий рабочих XIX в. Лица всё были валлийские, чумазые, очень похожие на лица нашего пролетариата периода «царской» индустриализации.

После музея я ещё побродил немного по городу, посидел в сквере на скамейке, зашёл в пару магазинчиков и, усталый, отбыл обратно в далёкий Лампетер.

Утром следующего дня состоялось моё знакомство с местной пичужкой, маленькой птичкой. вроде нашего воробья (может, это и был «ихний» воробей), которая села на раму полуоткрытого окна моей комнаты. Радостно пощебетав, она исчезла, затем появилась вновь, и с тех пор время от времени стала навещать меня, рассказывая что-то забавное. Между тем, моё внимание чаще было приковано к более «серьёзным» птицам – колонии грачей (по крайней мере, я думал, что это были грачи), которые гнездились на высоких деревьях недалеко от моего дома. Есть что-то завораживающее в группе деревьев, которую часто видишь из окна, но возле которых никогда не был. Это как дальняя страна, о которой много слышал в детстве, но в которой всё ещё не побывал. И обитателей этой страны – загадочных чёрных грачей – тоже всё время видишь, но никак не можешь как следует разглядеть и понять их. «Верно счастливы те люди, которые наблюдают за птицами, - думал я. – Вместе с жизнью птиц им открываются тайны вечности, тайны земные и небесные».

В тот день, день моего знакомства с валлийской птичкой, я решил полистать книжки, написанные Томасом, смешным человечком, которого так любят в Суонси. В библиотеке я быстро отыскал полки, как бы у нас сказали, с художественной литературой, нашёл литеру “Т”, затем – “Thomas”, - и взял с полки небольшой сборник стихов. Пролистав с десяток страниц, я начал вчитываться в одно из стихотворений, в котором промелькнули столь занимавшие меня день назад “Past” и “Present”. Стихотворение называлось «Валлийский пейзаж». Спустя много лет я решился его перевести на русский:

«Жить в Уэльсе – значит ощущать,
Как сумерки истекают кровью,
Переходя в штормовое небо,
Окрашивая чистые реки
По всему их течению.
Это значит осознавать
Сквозь шум тракторов
И тархтенье машин,
Как напряжён и воинственен лес,
И деревья вибрируют как летящие стрелы.
Вы не можете жить в настоящем,
По крайней мере, не здесь, не в Уэльсе.
Здесь даже в языке, к примеру,
Мягкие согласные

Просто чужды для уха.
Здесь в темноте как будто
Ночные совы отвечают луне,
А неясные тени поджидают в засадах
У изгибов полей.
В Уэльсе нет настоящего,
И нет будущего;
Там только прошлое,
Хрупкое в своих останках,
В избитых ветрами башнях и крепостях,
Населённых поддельными привидениями,
Погибающие карьеры и шахты,
И беспомощный народ,
Слабый в своём вырождении;
Терзаемый остов старой песни».

«Ну и жуть!» - подумалось мне. Стихи не вязались с образом того смешного и милого человечка на пирсе в Суонси. Посмотрев на обложку, я понял свою ошибку. То был другой Томас – “R.S.Thomas”. А мне нужен был “Dylan Thomas”!

Книжск со стихами и прозой Дилана Томаса оказалось на библиотечных полках довольно много. Взяв наугад пару из них, а также книгу о нём, я отправился к себе в «коморку папы Карло», как я называл свое пристанище в Лампетерсе, дабы как-нибудь потом спокойно всё это почитать.

Стихи Дилана Томаса не читались... Да, они завораживали своей необычной для меня ритмикой, смутно проступавшими образами, но не читались. Позже, когда я вернулся в Россию, то нашёл в библиотеке, возможно, тогда единственную книгу его стихов, переведенных на русский язык М. Кореневой. Прочёл. Затем снова обратился к оригиналу. Боже! Как многое оказалось созвучным моим ощущениям тех очень непростых, но потому и незабываемых, месяцев в Уэльсе!

«Крик птиц, хрип ворона слышав вновь
У моря, сердце бурное ключом
Вскипает с трепетом, кровоточа
Током мелодий и волною слов».

«Лес, гавань –
Здесь малыш
Умерших чутким
Летом правду счастья поведал камышу
И деревьям, камням и рыбам прилива.

Смысл загадочный
С тех пор жил
И пел в воде и птицах певчих»^{*}.

Проза Дилана Томаса, в отличие от стихов, «пошла» в мой валлийский период лучше, хотя, конечно, понять многие нюансы мне тогда (да и сейчас) было не дано. Но от этого образы Дилана Томаса становились для меня ещё более завораживающе-мистическими и упоительными. Да и места, которые у него фигурировали – Кармартен, Суонси, небольшая речка Тоуи, омытые дождями деревенские часовни – всё это было мне уже знакомо. Видел я и несколько приморских рыбацких местечек на побережье Кардиганского залива, которые, по одной из версий, стали прообразами его городка Лларегиб (Llareggub), где «под сенью молочного леса» обитают простоватые и добродушные валлийцы. О них Дилан Томас написал чудную «пьесу для голосов», которую читать было сложнее, чем прозу, но вполне возможно. Добрый юмор, а главное – странная для английского текста мелодика, отразившая фон и ритм валлийского языка (“Organ Morgan goes to Chapel to play organ”!), просто завораживали^{**}.

Странно. Когда я начал читать о жизни Дилана Томаса, первой мне на глаза попалась фотография, где он стоит в тёмном пиджаке с галстуком-бабочкой среди могил какого-то валлийского кладбища. Да, он любил позировать, иногда явно намеренно растворяя свои чувства в мистической неопределённости стиха. И всё же...

Родившись в Суонси в 1914 г. в валлийской семье преподавателя английской литературы, Дилан Томас большую часть своей недолгой 39-летней жизни ощущал странное раздвоение. Он, валлисец, чьё воображение питалось соками древнейшей кельтской культуры, не говорил на родном языке. Родном? В сущности, родным для него был английский. Хотя отец и мать знали валлийский, но они заставляли детей говорить только по-английски. Это было время, когда жизненный успех мог быть связан только с английской литературой, английской way of life. Дилан (чуждое валлийское имя, связанное с древнейшими мифологическими образами), закончивший в Суонси Grammar School, много лет работавший репортёром в местной газете, в конце концов решил «штурмовать» далёкий Лондон. Его неоконченный роман «Приключения со сменой кожи» скрежешет зубами от боли так, как будто с Дилана

* Перевод М. Корнсвой.

** Некоторые литературоведы считают, что предшественником Дилана Томаса в использовании валлийской игры слов в английской поэзии стал Джералд Манли Хопкинс.

действительно сдирают кожу. точнее: он сам сдирает с себя одну кожу и пытается оказаться в другой. Сколько людей, «меняющих кожу», я встречал в Британии и в других странах. какие муки переживал сам. тоскуя по русской речи, которую не слышал месяцами. и, вынужденный говорить и вести себя так, как это принято у «них», с ужасом замечал всё чаще и чаще, что не только внешне. но и внутренне начинаю на «них» походить!

И всё же Дилан Томас оказался счастливым. Благодаря Лондону и английскому языку он смог реализовать себя и завоевать вначале англо-саксонский, а затем и весь остальной мир (постигая, что это так, я чувствовал себя полным невеждой, кажется, единственным в мире человеком, который до 1995 г. не прочёл ни единой строчки этого гения; впрочем, ошибаюсь: когда-то очень давно с удовольствием «проглотил» его рассказ «Кого бы ты хотел взять с собой?», который напечатали в старом советском издании «Английская новелла»). Более того, он познакомил этот мир (кстати, и многих англичан) с валлийской поэтикой кельтской души и стиха. Последней большой его вещью, прозвучавшей за несколько месяцев до его смерти, стала волшебная пьеса «Под сенью молочного леса», в которой нет разлада между валлийским и английским языком, но есть только гармония и доброта.

Завороженный обаянием Дилана Томаса, я начал планировать поездку в Ллагарн, деревушку, где Дилан Томас часто жил между 1936 и 1953 гг. и где, я знал, сохранился его «дом-корабль», а на местном кладбище его скромная могила. Тот самый замок, который я увидел из окна поезда по дороге в Суонси, там, за широкой рекой, песками, деревьями и кружащимися над ними птицами, - был Лланстефан, находившийся от Ллагарна совсем недалеко, километрах в пяти. Дилан Томас в рассказах «Портрета художника в щенячестве» описал свою детскую поездку туда с бабушкой, отцом матери, у которого он гостил. «Мы ходили смотреть на кладбище и на море, посидели в леске под названием Дубки, постояли на эстраде среди леска...» Перед отъездом от деда маленькому Дилану приснилось, как «по лланстефанским водам плыли парусники, длинные, как пароходы; небесные хоры в Дубках, в облачении бардов, но в куртках с медными пуговицами, на каком-то странном валлийском пели песни отпльвавшим матросам»***.

Итак, я отправился в библиотеку составлять план поездки в Ллагарн. Я уже представлял себе улочки маленького городка с разноцветными двухэтажными домами, башню с часами, возвышающуюся над ними. белый дом Томаса, словно корабль, раздвигавший воды огромной как море реки Таф, неприятную комнату-студию поэта с разбро-

*** Перевод Е. Суриц.

санными по полу бумажками. Представил себе и небольшое кладбище возле церкви Св. Мартина, где на холме, отмеченный скромным крестом, покоится прах Дилана Томаса. Планировал сбежать и к Ллагарнскому замку, представлявшему тогда, как мне было известно, только группу полуразвалившихся стен и башен (рассказывают, что от этого замка вдоль старой дороги бегают пёс с горящими глазами, которого называют по-валлийски Gwyllgi, что значит «Мрак»). Наконец, если повезёт, хотел перебраться через реку Таф и посетить тот самый, манивший меня к себе уже не один месяц, замок в Лланстефанс. Не получилось! Тогда, в 1995-м, вдохновлённому землёй Уэльса и её поэтами, мне казалось, что я ещё всё успею осуществить, а захочу – вернусь сюда снова и увижу то, что ещё не увидел... Но и сейчас, спустя много лет, я продолжаю вдохновляться не только тем, что довелось лицезреть, но и тем, что только хотелось увидеть. Как в тех стихах, на табличке, что украшает памятник Дилану Томасу в Суонси, из его стихотворения «Фернхилл» (так называлась ферма под Кармартеном, где малютка Дилан гостил у своих родственников):

«И потому лишь, что я молод и свободен под милосердием
времени когда-то был.

Теперь живу и увядаю я в его неволе,
Хотя пою в цепях, как будто море»****.

Но кто же был другой Томас, “R.S.Thomas”, на стихотворения которого я по ошибке (а может быть, и не случайно) наткнулся в библиотеке, когда искал книги Дилана Томаса? О! С ним я познакомился не сразу. Оказалось, что к лучшему.

Верно, я никогда бы больше не стал читать его стихов, а личность его была бы для меня и сегодня безразличной, если бы Уэльс и люди его остались для меня чем-то абстрактным. Но нет. За те несколько месяцев, что я поколесил и протопал по дорогам этой страны, мне многое удалось повидать и почувствовать. Видел я не только яркое солнце, зелёные поля, тучный скот и добродушных, довольных жизнью людей, но и многое другое. Всюду – в грязных пригородах больших городов, в маленьких умирающих посёлках, в деревенских автобусах, перевозивших местных работяг, одетых в какую-то рвань, в пабах, забитых разным людом – от добропорядочных отцов семейств до вышедших на волю уголовников, поликлиниках, так похожих на наши, где часами ждут своей очереди охающие старики, а полуграмотный врач должен «обслужить» их за 10 минут, – была подлинная, не прикрашенная проспектами для туристов, жизнь. Особенно запомнились мне два человека.

**** Перевод Ю. Комова.

Одного я множество раз встречал на улицах Лампетера, по которым я совершал ежедневные прогулки. Совершал их и этот валлиец. Было видно, что он перенёс инсульт, и одна часть его тела двигалась плохо. Он был ещё не стар, хоть и с семью волосами в обвисшем, вероятно когда-то модном, пиджаке в чёрно-зелёную клеточку. Он двигался с большим трудом, самоотверженно, часами, переставляя свои отказавшиеся ходить ноги, желая во что бы то ни стало жить дальше. Вторым человеком, виденным мною только однажды, но часто мне потом вспоминавшимся, был какой-то деревенский дурачок и пропойца, ни слова не говоривший по-английски (подозреваю, что и по-валлийски говоривший с трудом), валявшийся в грязи под скамейкой во время «Праздника цветов», который мне однажды довелось посетить. Как он походил на десятки и сотни подобных персонажей, которых я видел в России с детских лет! Боже! А как по-скотски пил и буянил студенческий молодец в здании Student's Union, которое было напротив моих окон в Лампетере!

И всюду, в такой разной, чаще чистенькой и добропорядочной, с красивыми замками и зелеными полями, но нередко пьяной, неблагоприятной и по-беспросветному тяжёлой жизни, было разлито и ещё что-то. Как у Р.С.Томаса в «Валлийском пейзаже». Здесь чувствовалось какое-то напряжение и раздор, какая-то скрываемая от посторонних глаз внутренняя борьба. То был уже не Дилан Томас. То был его великий однофамилец.

Вот его Уэльс:

«Ты так далёк, чтобы видеть
Камбалу, и гниющую лапу, и жирную личинку,
Которая гложет кожу с маленьких костей,
Овец, пасущихся у Булк-и-Федуэна,
Романтично и очень обыденно возникающих
На унылом фоне голого камня.

Ты так далёк, чтобы видеть
Мох и плесень холодных труб,
Крапиву, проросшую сквозь треснувшие двери,
Дома, стоящие в Нант-и-Эйра пустыми,
Дыры в крышах, покрытых соломой и солнечным светом,
И поля, готовые превратиться в голые пустоши.

Ты так далёк, чтобы видеть
Его глаза и его чахотку,
Терзающую тело под рваным пиджаком,
То человек, всё ещё живущий в Ти'н-и-Фауноге.

Который туло следует тому, что было,
Неся зародыш хриплой смерти в своём горле».
("The Welch hill country"
из сборника стихов «Акр земли» (1952))

Родней Сидней Томас родился в 1913 г. (т.е. годом раньше своего более знаменитого земляка) в Кардиффе в семье валлийских родителей, не говоривших на языке своих предков. Его отцом был капитан торгового флота, и семья вскоре, в 1918 г., переехала на Север, в местечко Холхед, на островке Холияйленд, что лежит к западу от большого острова Англси, где когда-то был последний оплот друидов. В 1932 г. Р.С.Томас получил стипендию для обучения в университетском колледже в Бангоре, где углубился в изучение классической литературы и в соревнования по регби. Он был высок, плечист, смел и был полон решимости посвятить себя служению Богу и людям. В 1936 г. он прошёл религиозные курсы в колледже Св. Михаила в Лландафе и в том же году был рукоположен в священники англиканской церкви в Уэльсе. Вначале он служил в городке Чирк, на границе с Англией, потом – севернее, в Флинтшире, и, наконец, с 1942 г. – в глухом местечке Манафон, в графстве Монтгомеришир, примыкающем к английскому Шропширу.

Стоит ли представлять любителям британской истории и британской литературы Шропшир и окружающие его земли, куда поместила действие своих детективных романов из истории XII столетия современная английская писательница старушка Эллис Питерс? Чудный край! Нам пришлось однажды, в 1995 г., путешествовать по этому Пограничью, двигаясь из Аберистуита в Шрусбери. Но даже тогда, на исходе XX в., наряду с благостно-игрушечными местечками нам попадались поистине глухие «дыры», время в которых, казалось, остановилось где-то, по крайней мере, 100 лет назад. Во время же Второй мировой войны, когда здесь оказался Р.С. Томас, картина была ещё более тяжёлой. Здесь Томас и написал свои самые суровые, самые «неудобные» и самые беспощадные стихи. Беспощадные к кому? По-видимому, прежде всего, к себе. Томас – отнюдь не социальный обличитель, а тем более, борец против «английского колониализма», угнетающего валлийцев, людей земли. (Было время, когда английская пресса пыталась представить его именно в таком свете) Всё гораздо сложнее...

К тому времени, когда Томас оказался в глухой провинции Уэльса и увидел собственно валлийцев, в их, так сказать, подлинной жизни и состоянии, в своего рода «первобытном» обличьи, он был, безусловно, продуктом английской жизни, культуры и воспитания. Он безупречно говорил по-английски – это был его родной язык, он вёл себя и мыслил как образованный представитель английского среднего класса. Он был

женат на англичанке, художнице Милред (Элси) Эдридж. Их единственный сын, родившийся в 1945 г., будет говорить только по-английски и пойдёт учиться в английскую школу... Но те люди, которых он встретил в окрестностях Манафона, были его сородичами, не Welsh (что по-английски означает «иностранцы»), но Сунгу (так валлийцы называют себя сами, что значит «соотечественники»), братьями. Однако для них он, Томас, 100-процентный валлиец по крови, и духовный пастырь, учивший их жизни и вере, был не кем иным, как только английским чужаком, не более.

«Действительно, кто я? На каком языке я должен говорить с людьми и Богом? – спрашивал он себя. – Но, может быть, Богу и не важно, на каком человеческом языке человек говорит с ним? Ведь нигде более так не чувствуется Его присутствие, как в молчании...» И всё же Томас, этот открытый, суровый и мужественный человек, на четвёртом десятке лет своей жизни решился учить язык своих предков – валлийский. В своей необычной автобиографии, написанной по-валлийски в первой половине 80-х гг., и названной “Neb” (т.е. “Nobody” – «Никто»), он вспоминал, как в первый раз решился заговорить по-валлийски публично: «Я помню этот вечер: часовня с масляными лампами, восток, ревущий снаружи, и около 20 местных фермеров и их жён, пришедших послушать этого чудака англичанина, который учит валлийский». В течение трёх четвертей часа Томас самоотверженно читал проповедь, а потом даже, как он вспоминал, что-то пытался обсуждать с пастором. Однако после этого – «каждый пошёл к себе домой». Итак, возвратиться к себе оказалось непросто. Томас понял, что он – англичанин и совершенно не известно, удастся ли ему, хотя бы к концу жизни, вновь стать валлийцем... То был великий разлад в голове и сердце искавшего Бога и Себя англиканского священника валлийца Р.С. Томаса. Он перестал понимать, кто же он.

В первых сборниках своих стихов, вышедших в тот период – в 1946, 1952 и 1953 гг. – Томас видит в своих сородичах, простых и безыскусных людях земли, убогих и несчастных, людей Правды, для которых нет вопроса, кто они. Томас не идеализирует их, но осознаёт: они, простые фермеры, ковыряющие навоз и возделывающие пашню, – это его народ, народ, желающий, чтобы его предоставили своей собственной Судьбе, какой бы тяжкой она не была. С тех давних лет для Томаса начался долгий путь к себе, который одновременно был и путём к Богу. Более 1,5 тыс. стихотворений стали следами этих суровых исканий. Часто Томас обращался к своим родителям, валлийцам, научившим его говорить по-английски в надежде обеспечить ему счастливую жизнь.

«Дорогие родители,
Я прошая вам мою жизнь,

Начавшуюся в скучном городе,
Намерения ваши были хорошими:
Проходя сейчас по той улице.
Я всё ещё вижу остатки солнечного света.

Вы не держали меня в строгости:
Вы дали мне пищу,
Чтобы я поддержал себя.
И достаточно было заботы, дабы
Я сохранял свои склонности по мере того как рос.

Это не ваша вина.
В том, что произошло после,
Стрела, выпущенная из надёжного лука
В верную цель, может и повернуть назад,
И ранить себя
Вопросами, которые вы не задавали».
(“Sorry” («Простите»))

С середины 50-х гг. Томас служит на севере Уэльса, в районе Абердерона, на п-ове Ллейн (Lleyn), среди скал, холмов, песка и моря. Зимой здесь дуют холодные ветры и вода замерзает в лужах. Томасу нравится природа, в которой разлит Бог, и птицы, символы времени, но и вечности. Единственным его развлечением становится наблюдение за птицами. Он любит птиц. Птицы его завораживают.

В 1978 г. он выходит в отставку и поселяется в маленьком старом коттедже XVI в. недалеко от места своей последней службы. Он продолжает, как и раньше, наблюдать за птицами, делать пёшком большие концы и писать стихи. Может быть, его образ жизни, как говорили, был слишком уединённым. Может быть, Он принципиально не читал газет, отказывался от развлечений, которые предлагал XX век. Когда его спросили после смерти жены Элли, умершей в 1991 г., не одинок ли он, Томас ответил, что иногда чувствовал себя одиноким и когда она была жива. Это вовсе не значит, что Томас не знал, что такое любовь. Отнюдь. Эти стихи он написал после смерти отца:

«Ах, прости это хныканье, искривлённые
губы. Я не плакса;

это просто оттого, что всю свою жизнь
я старался, чтобы любовь не вырвалась
из берегов. Любовь – это чудная вещь,
но она опасна. Я опасался её,
как опасался той реки,

возле которой мы жили. Но оказавшись
опрометчиво в ней, захваченный ею
пред тобою, сын, ощутил, что
нет твёрдой почвы: отец, потонувший
в слезах, и сдерживающий дыхание,
чтобы голос случайно не дрогнул,
как бывало в прежние дни; и улыбка,
которую я стремлюсь сохранять,
ломается как трость, потому что
так много жалости в том, что есть любовь»
("The Father Dies" («Умирающий отец»))

Кажется, мы забыли о главном: смог ли Томас вернуться к своей земле, к своему народу, к своему «я» как валлийца? Странная вещь. Томас продолжал до конца жизни писать стихи на английском, и только на английском. Максимум, что он смог позволить себе написать по-валлийски – это автобиографию и книжку прозы «Год в Ллейн». Более того, только благодаря тому, что его языком как поэта остался английский, его имя стало широко известным не только в Англии и за её «заморскими» пределами, но и в самом Уэльсе. В 1964 г. он был награждён королевской золотой медалью за поэзию, а в 1996 г. даже номинировался на Нобелевскую премию по литературе. И всё же... Томас говорил, что англо-валлийский писатель – «это худшее, что может быть, он ни то, ни сё. Он находится на безжизненной почве между двух культур, и он постоянно обеспокоен тем фактом, что говорит на иностранном языке». Английский язык, или, точнее, англо-валлийская поэзия, стали для него «способом вызвать интерес к валлийско-говорящей культуре, и повести людей (и прежде всего, себя – В.З.) назад к материнскому языку». (Из интервью Р.С. Томаса)

Это возвращение Томаса к истокам своего «я» и своей культуры произошло не только через язык. Это произошло через то, что принято называть Судьбой. Судьба Уэльса, судьба валлийцев, стала его собственной, он слился с ней, стал её частью; больше того, он начал чувствовать и говорить на языке земли, который возник задолго до того, как появился человеческий язык и сам человек.

На закате своих человеческих дней, живя в старом доме "Sam Rhiw" на берегу моря, Томас написал стихи:

«Итак, мы знаем:
она что-то должна ему
сказать – На каком языке,
жизнь? А, на каком языке?»

Тысячами лет позже
я вселился в дом.
чьи камни есть язык
тех, кто его строил. Здесь,
возле моря, они говорят мало.
Но их посланием в будущее
было: Строй хорошо. В огненных красках
вечера я ловлю лица,

пристально на меня глядящие. В апреле,
когда свет скользит и облака
тонки, что-то бестелесное
пробегаёт по моей комнате.

Они наследуют мне
однажды? Могу ли быть уверен,
что я смогу исполнить долг,
столь же точно, как они,

и при восходе луны
залив расплывается
в улыбке, как будто говоря,
несужто же это так трудно?»
("Sarn Rhiw")

Р.С. Томас умер 25 сентября 2000 г., на 88-м году жизни. Скромное отпевание на валлийском состоялось в деревенской церкви Пентрефелин (Pentrefelin) (п-ов Ллейн). Его прах упокоился в городке Портмадог, на церковном дворе, рядом с дверями церкви Св. Иоанна. На его могиле – только: "R.S. Thomas, 1913-2000". Кажется, что возвратившись в Прошлое, Томас доказал, что у его народа есть Будущее.

V. N. Zemtsov

The head of the department of general history of the Ural state pedagogical university, the doctor of historical sciences, professor.

TWO THOMAS,

'OR TWO HISTORIES WITH SKIN CHANGE
(experience of the historical and poetic travelogue)

Article is devoted to history of two Welsh writers who all life felt a certain split personality, thirst for the Welsh earth. Having been born in Swansea in 1914 in a Welsh family of the teacher of English literature, Dylan Thomas the most part of the short 39-year life felt strange bifurcation. It, the Welshman, whose imagination ate juice of the most ancient Celtic culture, didn't speak the native language. Native? In effect, for it English was native. Though the father and mother knew Welsh, but they forced children to speak only English. It was time when the vital success could be connected only with English literature, English way of life. Sydney Thomas was born relatives in 1913 (i.e. a year before the more well-known fellow countryman) in Cardiff in a family of the Welsh parents who weren't speaking language of the ancestors. By then, when Thomas appeared in the deaf Province of Wales and saw actually Welshmen, in their, so to speak, original life and a state, in some kind of "primitive" appearance, he was, certainly, a product of English life, culture and education. He faultlessly spoke is there was its native language, he behaved English and thought as the educated representative of English middle class. Thomas continued to write until the end of life verses in English, and only in English. Thomas's this return to sources of the "I" and the culture happened not only through language. It occurred through that it is accepted to call Destiny. The destiny of Wales, destiny of Welshmen, became its own, it merged with it, became its part; it is more than that, he started feeling and speaking earth language which arose how there was a human language and the person. Thomas died on September 25, 2000, on the 88th year of life. Modest burial service on the Welsh took place in rural church Pentrefelin.

Key words: travelogue, literature, Wales, England, language

Л.С. Слободяник

Слободяник Лада Сергеевна, докторант Высшей школы экономики (г. Прага) (The University of Economics, Prague, nám. W. Churchilla 4, 130 67 Praha 3)

Телефон/Phone: (+420) 224 095 111. Электронная почта/E-mail: lausten@yandex.ru